
А. В. ДМИТРИЕВ, С. МИЛИОЕВИЧ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ: КОСОВСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ И СИТУАЦИЯ В РОССИИ

В совместной статье российского и сербского исследователей на основе исторического и статистического материалов проведен анализ конфликтогенного потенциала этнической миграции в Косово и Метохии. Изучены культурные и политические последствия демографического давления. Обсуждается возможность учета Косовского опыта в демографической, в том числе миграционной, политике Российской Федерации.

Ключевые слова: *цивилизационный разлом, напряженность, этническая миграция, культурные и политические последствия, геноцид, сепаратизм, сегрегация, универсальность, специфика, косовский прецедент.*

Множество проблем на территории Балкан связано с перемещенными лицами. Относительно их генезиса и способов урегулирования нет единой точки зрения как в самом регионе, так и в мировом сообществе. Особенно значительны расхождения в оценках по поводу вооруженных столкновений, вызванных так называемой косовской проблемой. Противостояние между албанцами и сербами ознаменовало международный кризис конца 1990-х годов, кульминацией которого стали авиаудары НАТО по Югославии. Этот кризис в обозримом будущем может обернуться «гуманитарной катастрофой» (Язькова 2007: 47).

Западные исследователи делают принципиальную ошибку: выступив против радикальной политики С. Милошевича в отношении косоваров, они не только оправдали, но и де-факто поддержали их этнический национализм. «Чистка» сербского населения Косово шла и продолжает идти под лозунгом: «один этнос – одна территория – одно государство».

При всех принципиальных расхождениях в оценке косовских событий аналитики признают исключительную важность миграционной составляющей. В этой связи полезно обратиться к некоторым историческим фактам. На территории Балкан, обладающих геостратегическим значением, веками происходили важные этнические и демографические процессы. После Второй мировой войны

они привели к существенным изменениям в этнодемографии многих балканских территорий, в том числе Косово и Метохии, что создало известную всем трагическую ситуацию.

К истории противостояния. До Второй мировой войны доли албанского и неалбанского населения в общей численности Косово и Метохии были приблизительно одинаковыми. Об этом можно узнать косвенно через статистические данные о родном языке, религии и гражданстве. Для этого региона был характерен заметный рост числа говорящих на сербском языке: с 26,0 % в 1921 году до 32,6 % в 1931 году, обусловленный заселением Косово и Метохии черногорцами и сербами; в то же время относительно снизилась численность лиц, родным языком которых являлся албанский: с 65,8 % в 1921 году до 60,1 % в 1931 году (данные Государственного статистического управления СФРЮ 1945 года). После поражения в первых кампаниях Второй мировой войны (1941 год) победителям достался большой кусок югославской территории: Италии – Метохия и часть Косово, Германии – Витина, Качаник, Косовско-Митровицкий, Подуевский и Вучитрнский срезы¹, царской Болгарии – часть Гниланского среза и Сириничка-Жупа в горах Шар-Планины.

В самом начале войны сербское и черногорское население подвергалось организованному террору со стороны албанских качаков (мятежников, грабителей) и квислингов. Сербские дома сжигали, людей запугивали, брали в плен и убивали. Первыми жертвами были не только колонисты, которые уже с апреля 1941 года были вынуждены покинуть свои очаги под страхом смерти, но и издавна проживавшие здесь сербы и черногорцы, а также цыгане и турки.

Историки считают, что в Косово и Метохии в 1941–1944 годах албанцы убили около 10 тыс. сербов. В этот же период из итальянской оккупационной зоны были изгнаны около 40 тыс. человек, из немецкой оккупационной зоны – около 30 тыс. человек, а из болгарской оккупационной зоны – около 25 тыс. человек. Общее число беженцев с территории Косово и Метохии составило около 100 тыс. человек (Глишич 1991: 285).

В опустевших сербских хозяйствах поселялись албанцы не только с территории Косово и Метохии, но и из Албании. Оккупационные власти немедленно приступили к изменению аграрно-собственнических отношений. Отобранные земли передавались

---

¹ Срез – административная единица Сербии (округа как более крупные территориальные единицы делятся на срезы).

новым владельцам, причем только албанцам, в числе которых многие были приезжими из Албании.

Органы коммунистической власти, установленной после Второй мировой войны, по сути дела, санкционировали эти меры. Сразу после введения коммунистического военно-партийного и гражданского управления колонистам и изгнанным сербам и черногорцам (среди них было много коренных жителей) было «на время» запрещено возвращаться, а затем вообще был существенно сокращен контингент возвращенцев-колонистов и иного изгнанного населения.

Воплощенные в конституционную и законную формы политические решения ядра партийного руководства касательно природы автономии Косово и Метохии вели к высокой степени самостоятельности данной области по отношению к Республике Сербия. Предоставив территориальную автономию (31 декабря 1946 года была учреждена Автономная Косовско-Метохийская область), коммунистическая власть одобрила новую этнодемографическую структуру, созданную албанскими квислингами и итальянско-немецкими оккупантами.

Таким образом, территория Косово и Метохии, где во время войны погибли 60 тыс. человек, а 100 тыс. сербов и черногорцев стали беженцами, заселилась албанцами (приблизительно 300 тыс. человек) после пересечения ими открытой границы с Албанией, на которой тогда отсутствовал всякий контроль.

Переписи населения Югославии после Второй мировой войны могли бы быть наиболее надежным источником данных о миграции, однако есть сомнение по поводу их достоверности, поскольку политическая обстановка влияла на проведение и результаты переписи. Этническую принадлежность определяли по субъективной самоидентификации, не требуя никаких доказательств. В результате одна и та же часть населения высказывалась о своей национальной принадлежности по-разному в разных переписях или, наоборот, люди, принадлежавшие к разным этническим группам, относили себя к одной национальности. Так, в 1948–1953 годах численность турок возросла более чем в три раза, что демографически нереально; по-видимому, многие албанцы объявляли себя турками, желая облегчить переселение в Турцию.

Общей же тенденцией в Сербии, Югославии и Европе в целом было замедление роста населения и его сокращение во второй половине XX века. В 1948–1953 и 1980–1987 годах рост населения на территории Югославии в целом резко снизился. Однако в Косово и Метохии подобная тенденция не наблюдалась, население росло

на 2,0–2,5 % в год, что обеспечило удвоение населения приблизительно за три десятилетия.

Демографические особенности. Доля Косово и Метохии в рождаемости населения СФРЮ резко возросла в послевоенный период. Вместе с тем резко снизился коэффициент смертности населения этого региона. С 1950 по 1983 год численность населения Югославии в целом увеличилась на 39 %, населения СР Сербия – на 41 %, а население Косово и Метохии увеличилось в 2,2 раза. Основным фактором служил естественный прирост населения. Доля Косово в естественном приросте населения Республики Сербия в 1950 году составила 20,4 %, в приросте населения Югославии – 7,9 %. К 1983 году его доля возросла соответственно до 62,8 % и 25,9 %. Рост населения Югославии к тому времени начал решающим образом зависеть от Косово.

Наиболее высокий прирост населения Косово и Метохии на 2,6 % за год, судя по всему, не имеющий аналога в истории региона, наблюдался и в 1960-е годы, а к середине 1980-х снизился всего на 0,1 %. Он был непосредственным следствием роста рождаемости. Самый высокий уровень – 4,4 % на 1000 жителей – наблюдался в 1954 году, а потом последовал относительный спад от приблизительно 4,0 % в 1960-е годы до 3,0 % в 1980-е годы. Демографическая трансформация всегда начинается спадом смертности, за которым со временем происходит и спад рождаемости. Несмотря на впечатляющий спад коэффициента смертности в результате улучшения здоровья и социального благополучия населения, рост населения Косово и Метохии после Второй мировой войны оставался самым высоким в Югославии и Европе и одним из самых высоких в мире (по уровню рождаемости Косово и Метохию можно сравнить с некоторыми центральноамериканскими и африканскими странами). Коэффициент смертности в Косово снизился почти на две трети, а в СР Сербии и Югославии – приблизительно на одну треть. Средняя продолжительность жизни женщин увеличилась в Косово с 45,3 лет в 1948 году до 71,8 лет в 1980–1981 годы, мужчин – с 48,6 до 68,6 года.

Воздействующие другие факторы. Причиной столь высокого воспроизводства албанского населения стали демографические, экономические, социологические, этнические и политические факторы. Обычное право (т. е. право, основанное на обычае) в Косово и Метохии сохранилось и при социализме. Благоприятную среду для этого составляли родоплеменные общины, архаичное сознание, кровная месть в качестве регулятора отношений, рабское положение и купля-продажа женщин, замкнутость людей в пределах

дома и племени, сакральное господство главы клана. В особо сложном положении оказались женщины, которые лишились элементарнейших прав. «Женщине... все еще редко предоставляется возможность выбрать партнера. Она не может требовать расторжения брака и даже помолвки... Ее безопасность гарантируется отцом и мужем... Существует поверие, что частая беременность и многодетность привязывают женщину к законному мужу, и это является одной из причин столь высокой рождаемости в Косово (25,2 промилле). Изгнанной женщине, по обычаям, не дают возможности растить, содержать и воспитывать детей... Женщина сама и не смогла бы содержать детей, так как у нее отсутствует имущество. Разведенным женщинам не выплачивают никаких алиментов. Выйти замуж повторно можно лишь при условии, что бывший муж не наложил на это запрет. Один преподаватель из г. Печь объявил, что убьет любого, кто женится на его бывшей жене» (Джурич 1990: 322).

Сильное влияние традиционного и обычного права на всем протяжении жизни человека обусловило высокую «брачность» населения. В Косово всегда было больше мужчин, особенно молодых, что наряду с этнокультурными характеристиками гарантирует каждой женщине вступление в брак. Все женщины участвуют в производстве. Среди албанок самый низкий процент не родивших ни разу (он даже ниже, чем у цыганок); в возрастной группе 25–49 лет таких женщин лишь около 6 % (бесплодие по генетическим причинам). Особенно показателен рост внебрачной рождаемости в течение всего периода после войны. Кто знает хоть немного о ситуации в Косово и Метохии, тот понимает, что здесь и речи быть не может о классической внебрачной рождаемости, при которой ребенок рождается в семье без отца. Речь идет о распространении официально не регистрируемых браков. Причиной могут быть непринятие норм законодательства о браке и семье, ориентация на нормы обычного и мусульманского права, включая полигамию, распространенную прежде всего в низших слоях среднего класса.

Влияние традиционного общества, выдвигающего в качестве общественного идеала большую семью, сказывается и на рождаемости. «Контроль над рождаемостью в Автономном Крае КиМ был исключительно низок. В Косово контрацепцию используют ничуть не больше, чем аборт – 91 % замужних фертильных женщин никогда не использовали противозачаточные средства (в то время как в Словении этот процент составляет только 34 %)» (Тодорович 1989: 58). Низкий уровень образования в структуре населения и

большое число безграмотных женщин – также важные факторы социальных и демографических тенденций.

Благоприятной почвой для сохранения традиционных норм и представлений может стать лишь общество, не понимающее последствий отсутствия планирования семьи. О том, что такое понимание отсутствовало в югославском обществе, свидетельствует высокое воспроизводство албанского населения. К сожалению, профессиональные демографы не выработали единого взгляда и не предупредили общество о важности демографической политики. В тогдашней политической ситуации любая попытка оценить демографические тенденции в Косово и Метохии могла быть объявлена «мальтузианским» и «антимарксистским» подходом. Лишь с середины 1980-х годов было проведено несколько научных конференций и совещаний, на которых рассматривались экономические, политические, этнические, демографические и прочие проблемы этого региона. Была установлена, в частности, взаимосвязь демографических и этнических проблем. Экономические показатели развития экономики Косово и Метохии вследствие вложения государственных средств и особенно Фонда СФРЮ в экономическое возрождение АК КиМ опровергают тезис о том, что основной причиной демографического взрыва является экономическая отсталость. После Второй мировой войны социально-экономическая структура в регионе значительно изменилась: с 1948 по 1981 год аграрное население сократилось на 56,3 %. Косово стало промышленно-аграрным обществом, и разрыв во времени между этим краем и развитыми регионами Югославии, который прежде исчислялся столетиями, теперь был сведен к нескольким десяткам лет. Однако экономическое развитие не сопровождалось изменениями в демографической сфере.

Резкие демографические отличия Косово и Метохии от иных регионов Югославии и даже от соседней Албании свидетельствуют, что ускоренное воспроизводство населения в АК КиМ вряд ли можно объяснить «отсрочкой демографического перехода» и «традиционной моделью воспроизводства». Демографический взрыв произошел в период (начавшийся с 1960-х годов) интенсивного экономического и культурного прогресса. Это как раз и есть период, в котором Край КиМ получил высокую степень автономии по отношению к Республике Сербии (Конституция 1974 года), когда усилилось сепаратистское движение, в идеологию и стратегию которого был заложен тезис об окончательном освоении территории путем высокого биологического воспроизводства одного этноса.

Результаты переписей населения после Второй мировой войны свидетельствуют о наличии впечатляющей воспроизводственной диспропорции между сербами и албанцами. Число албанцев, составившее по первой послевоенной переписи в 1948 году 463 742 человек, уже в 1981 году возросло до 1 226 736 человек, а по оценочным статистическим данным 1991 года (тогда албанское население отказалось от участия в переписи) в Косово и Метохии проживало около 1 596 072 албанцев. Динамика сербского населения за этот же период демонстрирует противоположный процесс: численность сербов и черногорцев, составившая по переписи 1948 года 199 961 человек, в 1981 году незначительно увеличилась и составила 236 525 человек, а в 1991 году сократилась до 214 555 человек.

По первой послевоенной переписи 1948 года албанцы (в то время они назывались «шиптары») – 498 000 человек – составляли 68,5 % населения Социалистического автономного края Косово. Вторые по численности сербы составили 23,6 %, а черногорцы – 3,9 %. Эти три группы вместе составили 96 % населения, а из прочих группировок цыгане и мусульмане (как национальность) – более 1 % каждая. Изменения на протяжении 1948–1961 годов были весьма незначительными, доля сербов и черногорцев сохранилась на том же уровне, в то время как доля албанцев незначительно снизилась. Среди малочисленных группировок та же доля осталась у хорватов, доля цыган и мусульман (как национальности) сократилась, а у турок наблюдался необыкновенный рост: с 0,2 % до 2,7 %, что объясняется изменением самоидентификации.

Миграция сербов и черногорцев. В 1961–1981 годах происходил резкий рост численности албанской группы, причем средний годовой коэффициент составил 30,9 промилле, так что численность албанцев удвоилась, а доля в структуре населения возросла с 67,2 % до 77,4 %. Соответственно доля сербов и черногорцев резко сократилась: сначала наблюдалась стагнация, а затем спад их численности; одновременно многие славяне покидали регион. В итоге сербы и черногорцы, составлявшие в 1961 году 27,5 % населения КиМ, в 1981 году составили только 14,7 %.

На фоне высокого естественного прироста албанцев в Косово и Метохии при слабой мобильности албанского населения происходила миграция сербов и черногорцев. Параллельно с иммиграцией албанцев имел место передел собственности. Речь идет о разных видах выкупа земли, домов и квартир у сербов и черногорцев: под давлением, с применением насилия или мирным путем. Был создан специфический рынок недвижимости, при котором первые

выкупы земли и домов в населенном пункте оплачивались удивительно высоко, а потом, когда в населенном пункте оставалось немного сербских домохозяйств, цена заметно снижалась. Этот рынок приобрел строго этнический характер: продавали либо сербы албанцам, но не наоборот, либо купля-продажа осуществлялась внутри одной этнической общины.

Как отмечено ранее, перепись 1991 года дала неполные сведения по Косову и Метохии: большинство албанцев отказались от участия в переписи, которая проходила в условиях социальной, политической и экономической нестабильности. Однако специалистам очевидно, что драматичный контраст в биологическом воспроизводстве между Сербией в узком понимании, с одной стороны, и Косово и Метохией – с другой, продолжался и в 1990-е годы.

Политические последствия. Исследование процессов, представляющих собой один из самых специфичных парадоксов современного демографического развития, требовало выяснения их политико-цивилизационных последствий. В обществе, основу которого составляла модель социалистического самоуправления, активной демографической политики не проводилось. Коммунистические органы власти вольно или невольно поощряли демографическую экспансию албанского населения: идеологически (пропагандируя конституционное право каждого человека свободно решать, сколько иметь детей) и финансово (выделяя крупные денежные средства для экономического возрождения слаборазвитых регионов из Фонда Федерации, Международного банка реконструкции и развития и пр.), а также путем строительства жилой площади и покупки сербских и черногорских домов и хозяйств. Очевидные последствия быстрого роста албанского населения и его демографическая экспансия, а также выселение сербов и черногорцев оставались табуированными темами, на которые официальной политикой и зависимой наукой было наложено идеологическое эмбарго вплоть до середины 1980-х годов. Показательно, что демографическая экспансия достигла наибольшей интенсивности во время политических перемен, конституционной перестройки югославского государства и усиления сепаратистского движения. За короткий срок произошла этническая гомогенизация (тотальная албанизация) населенных пунктов. Такого рода изменения в других странах обычно происходят за длительное время либо в период этнических, религиозных или колониальных войн. Экспансия албанского населения с этническим освоением городов как важных административно-политических, экономических и культурных цент-

ров спровоцировала градостроительный хаос (нелегальное строительство) и территориальную этническую сегрегацию – вытеснение сербского населения в села и районы, число которых постоянно сокращалось. Выселение сербов и черногорцев из Косово и Метохии приобрело характер этнической смены одной популяции другой и полного захвата сербской исторической государственной территории. Этот процесс был практически завершен после окончания войны в Косово и Метохии в 1999 году. Ввод международных войск и изгнание более 250 тыс. человек (сербов, черногорцев, цыган, хорватов, мусульман, горанцев и прочих) частями Освободительной армии Косово ознаменовали предельную этническую гомогенизацию АК КиМ.

Культурное наследие. Наряду с физическим захватом территории путем демографической экспансии и с использованием насильственных и ненасильственных методов изгнания славян проводилась и своеобразная культурная сегрегация населения, которое стало меньшинством на собственной территории. Сегрегация была материальной (порушение и разрушение святынь, монастырей, церквей и кладбищ) и духовной (вытеснялись сербская литература, традиции и история). Такие процессы продолжались и после установления протектората над Косово и Метохией, когда в присутствии международных войск было уничтожено около 154 сербских святынь и иных объектов. Использование сербского языка подчас становится опасным для жизни. Повсюду меняются названия улиц, площадей и учреждений. Только в северной части Косово сербы относительно свободны от дискриминации, в остальных зонах Автономного Края КиМ они живут в гетто (анклавах) в условиях, соответствующих определению апартеида (ограничения в передвижении, невозможность устройства на работу и получения образования, запрет собраний, демонстраций и ассоциаций и т. д.). Уничтожение сербского культурного наследия, геттоизация и сегрегация населения по этнической принадлежности стали неоспоримым фактом.

Будущее Косово и Метохии непредсказуемо. Малочисленное сербское и иное неалбанское население, подвергающееся преследованию и ассимиляции, сведенное в рамки этнических островков в море албанского населения, отстаивает не только свою национальную, культурную и религиозную идентичность, но и элементарное физическое существование. Этническая и религиозная дискриминация, проводимая этносом, обладающим большей численностью, над лицами, принадлежащими к иным, малочисленным

этническим общинам, надолго прервала их взаимное культурное и иное общение.

* * *

Миграционные проблемы России. Авторы настоящей статьи исходят из тезиса о нарастании миграционно-исламского давления на Европу, включая Россию, что проявляется во многих факторах, в том числе социальных, экономических и демографических. Все более отчетливой становится и четко выраженная этническая структура миграционных потоков, заметно видоизменяющих полиэтнический состав принимающего населения европейских стран. Этническая иммиграция сопровождается постоянной эмиграцией из ряда восточноевропейских государств и России, которая, в свою очередь, носит не только этнический, но и возрастной (молодежь) и профессиональный (образованные и подготовленные мигранты) характер.

Основные потоки эмигрантов и иммигрантов слабо контролируются. Отчасти по этой причине наблюдается и разделение труда по сферам деятельности между этническими группами мигрантов.

На микроуровне ситуация периодически обостряется. Население, обитающее рядом с границей «межцивилизационного разлома», может вести борьбу за влияние путем так называемых демографических войн: заселение, сначала в единичном, а затем и в массовых масштабах, земель, расположенных на «противоположных» территориях. Из-за превосходства в плодovitости мигранты, составляя сначала меньшинство среди местного населения, постепенно в течение 10–20 лет могут решительно изменить демографическую ситуацию в свою пользу. Далее вероятно вытеснение, в лучшем случае «мягкое», местных жителей. История многих наций и государств свидетельствует о давности и стандартности таких приемов. В современной Европе подобным способом освоения новых территорий в совершенстве овладели албанцы в Сербии (Косово и Метохия) и Македонии, о чем подробно рассказано в первой части статьи. На Северном Кавказе русские покидают некоторые территории Ставропольского и Краснодарского краев, некоторые северокавказские республики почти полностью потеряли русское население. Существуют проблемы и в обширных регионах Сибири и Дальнего Востока, граничащих с Китайской Народной Республикой.

Одно из условий выхода из ситуации – заселение и обустройство южных и восточных границ России с целью ограничения иммиграции. Другое условие – заключение между Россией и странами СНГ, а также прилегающими к ней восточноевропейскими странами соглашения о реадмиссии, т. е. о принудительной высылке не-

законных мигрантов. России в аспекте ее миграционной политики пора делать окончательный выбор. Пример заселения Косово албанцами не может до бесконечности оставаться без внимания.

Общая тенденция. Северо-Кавказский федеральный округ является самым уязвимым регионом с точки зрения воздействия внешних и внутренних мигрантов на местное русское население. Происходящие здесь массовые перемещения населения значительно меняют этническую структуру региона, создают условия для роста преступности, вызывают социальную напряженность, реанимируют национальные предрассудки. Отчасти поэтому в республиках заметно усилилась миграционная подвижность нетитульных национальностей, включая славянское население, особенно в Чечне, Дагестане и Ингушетии. Кроме того, ситуация в значительной степени обостряется из-за реэмиграции населения ряда северокавказских народов, ранее проживавших вне своих национально-государственных образований. Так, осетины прибыли из Грузии в Северную Осетию, ингуши – в Ингушетию из Северной Осетии и Чечни. Бегство нетитульного населения из Чечни началось еще в конце 1980-х – начале 1990-х годов, приняв необратимый характер во время двух так называемых «чеченских» войн.

К началу XXI века численность славян и других русскоязычных жителей в Северо-Кавказском регионе сократилась приблизительно на 500 тыс. человек, тогда как численность титульного населения республик возросла. Этому, помимо миграции, способствовала и более высокая рождаемость у многих кавказских народов. Если до начала 1990-х годов сокращение численности русскоязычного населения происходило в основном за счет его отъезда из республик Северного Кавказа, то в последующие годы этот процесс усугубился резким сокращением его естественного воспроизводства. Последнее вызвано главным образом старением и оттоком жителей репродуктивного возраста. К концу XX века средний возраст русских составлял примерно 40 лет, а титульных народов – 26–28 лет. Ситуация осложняется и тем, что все меньше молодых специалистов из разных регионов России, заканчивающих вузы Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, готовы приехать на работу в эти республики.

Однако исход из региона не может быть объяснен чисто демографическими причинами. Бегство опасавшихся за свою жизнь русских, украинцев, белорусов, евреев и других было особенно заметно в Чечне и Ингушетии. Провозглашение независимости Чечни (1991 год), сопровождавшееся антирусской кампанией, начало

войны, бомбардировки и обстрелы Грозного, где русских было особенно много, привели к их массовому исходу из республики. В Ингушетии причинами исхода стал страх повторения чеченского сценария, а также осетино-ингушский конфликт (1992 год), в результате которого тысячи ингушей, изгнанных с территории Северной Осетии, поселились в Сунженском районе, где компактно проживали русские. Последние были незамедлительно «выдавлены» из района.

Несколько иная ситуация сложилась в Дагестане. Здесь причинами непрекращающегося отъезда русских являются незавидное социально-экономическое положение республики, а также ухудшение политической обстановки. Уезжают в основном молодые люди, а остаются пожилые и пенсионеры.

Попытки остановить отъезд русских из республики, предпринимающиеся властями (квоты в вузах, материальная помощь и т. д.), оказались малоэффективными. В целом славянское население, расселенное в основном в городах северокавказских республик, занимало второе место по численности, а в Адыгее и Карачаево-Черкесии – даже первое. По результатам последней переписи населения ситуация радикально изменилась.

Ранее наблюдались общее снижение темпов прироста численности славян, сокращение их удельного веса в составе городского населения республик и ускоренный отток из сельской местности. При этом вовлечение титульных народов в урбанизационные процессы в условиях расширенного демографического воспроизводства сопровождалось их активным расселением в сельской местности, в том числе в традиционно «русских» районах – за счет «выдавливания» и замещения проживавшего там населения. Сейчас налицо устойчивое сокращение абсолютных и относительных показателей нетитульного населения, последним «оплотом» которого в национальных республиках являются их столицы.

Отток русских и представителей иных этносов, охвативший уже всю сеть поселений в национальных автономиях, является фундаментальным выражением дерусификации Северного Кавказа. Причины – в экономическом кризисе, высокой межэтнической напряженности, отсутствии внятной национальной политики в стране и распространяющейся ксенофобии.

Исследование этнических особенностей миграционных процессов в северокавказских республиках показывает, что миграционный отток из республик обусловлен не только исходом славянского населения. Отрицательное сальдо миграции сложилось и у многих титульных народов республик. В свою очередь в большинстве со-

седних регионов равнинной части Юга России положительный миграционный поток сложился у чеченцев (Ставропольский край, Ростовская область, Волгоградская область и др.). Ставропольский исследователь В. С. Белозеров (2005) считает, что центр тяжести русских смещается в северо-западном направлении. У даргинцев центр тяжести также смещается в этом направлении, т. е. они, как и другие северокавказские народы, идут вслед за русскими, замещая их.

Снижение политического статуса. Переход Российской империи от союзно-вассальных отношений с этническими окраинами к их присоединению и установлению русской администрации начался в XVIII веке. С этого времени численность русского населения в южном регионе возрастала. Столыпинские реформы ускорили этот процесс, и в начале XX века подавляющее большинство населения Ставропольской, Кубанской и Черноморской губерний составляли русские, украинцы и белорусы.

Новый этап начался в годы Гражданской войны, когда в ходе борьбы с белоказаками были произведены административно-территориальные преобразования, в ходе которых города с преимущественно русским населением были переданы в горские автономные области; это мотивировалось необходимостью подъема экономики и культуры местного населения.

Несмотря на все эксцессы советского периода (Великая Отечественная война, депортация некоторых кавказских народов и т. д.), на Северном Кавказе было сформировано полиэтничное общество, утверждена единая политико-гражданская идентичность. Русские, украинцы, белорусы и представители других народов превратили Северный Кавказ в развитый экономический регион с единой системой центрального управления, которая органично дополнилась традиционной самоорганизацией кавказских народов. Но уже в ходе реформ 1980–1990-х годов государственное устройство было коренным образом изменено; русское население региона восприняло эти изменения крайне болезненно, поскольку для русских именно государство по-прежнему выступает главным организующим центром – это свойство их ментальности.

Подрыв основ централизованного государства в начале 1990-х годов означал большую самостоятельность субъектов Федерации, в первую очередь северокавказских республик. Суверенизация последних (под лозунгом: «берите столько суверенитета, сколько сможете») происходила на этнической основе, не оставив русскому населению сколько-нибудь серьезных шансов на удержание политического влияния.

Считается, что в первой половине 1990-х годов значительно возросла политическая конкуренция различных этнических групп за доминирование в исполнительной, судебной и законодательной ветвях власти во всех республиках Северного Кавказа, которая реально завершилась в пользу титульных народов. При всех трудностях закрепления этой победы в статьях республиканских конституций (исключая Адыгею) она отразилась в новой государственной символике. Процесс монополизации республиканской власти отдельными этническими группами сопровождался острой конкуренцией и противодействием других групп. Как правило, русские в этом противостоянии практически не участвовали. Единство Северо-Кавказского региона было нарушено, поскольку ранее его основу составляли вертикаль центральной государственной власти, партийное единство номенклатуры, ведомственное подчинение администрации промышленных предприятий. Кроме того, русских перестали назначать на вторые должности в управленческой системе.

Положение усугубилось тем, что в борьбе за удержание приобретенной власти этнические элиты постоянно поднимают «русский вопрос» с целью установить иерархию национальных общностей, разделенных по единственному признаку: «наверху» обязательно должен быть титульный этнос. В такой ситуации русские не могут сделать политической карьеры, хотя известны случаи, когда русский назначается из Москвы или занимает свой пост в результате компромисса или политического торга. Проблему усложняет еще и то, что усиленная исламизация региона выводит русских на другую сторону цивилизационного разлома, ставит под вопрос существующие правовые нормы и ценности политической культуры. Самое легальное в сложных процессах, происходящих в этом регионе, – приписывание русским роли «имперской» нации. Впрочем, эти настроения республиканской элиты зачастую сменяются пониманием того, что без «чужаков» трудно решать местные проблемы, а без дотаций из федерального центра власть не удержать.

Северный Кавказ, разумеется, является частью России, и этнополитические процессы, происходящие в этом регионе, не могут не отражаться в массовом сознании всего российского населения. Россияне помнят, что именно русские инженеры и рабочие создали научно-промышленный потенциал, ликвидировали неграмотность, реализовали культурно-просветительские программы. Чтобы смягчить вызванные обидой конфликтные настроения русских, им предлагается воспринимать все дискриминирующие их акты в качестве бытовых недоразумений. Для русского населения, по видимому, все же есть возможности избежать политической второ-

разрядности. Основная из них – сменить место жительства, унеся с собой груз обид, стрессов и фобий.

Сдача экономических позиций. Утверждение титульных этносов в системе властных отношений неизменно сопровождалось сдвигами в экономических отношениях. Характер этих изменений несколько отличался от процессов на общефедеральном уровне. Если повсеместная приватизация на территории России сопровождалась падением производства и резкой дифференциацией доходов по линии «бедные – богатые», то на Кавказе она также привела к дифференциации, но, что особенно важно, на этнической основе. Это проявлялось в первую очередь в смене руководства промышленных и сельскохозяйственных предприятий: хозяйственники (в основном русские), имеющие достаточный опыт, квалификацию и образование, были смещены новыми собственниками – представителями титульного этноса, часто не обладающими достаточными для управления знаниями и опытом.

Новая дирекция предприятий зачисляла своих сторонников на руководящие должности чаще всего на платной основе. Производство разваливалось, оборудование распродалось.

Отток русского населения из республик Северного Кавказа во многом обусловлен и его исторической памятью, сохранившей события 1960-х годов, когда создавалась материально-техническая база региона при активном участии приезжих из русских, украинских, белорусских областей, и только позднее были подготовлены и национальные кадры. В конкуренции на рынке труда начиная с 1990-х годов русские были просто обречены проигрывать и в сфере получения профессионального образования, и на экономическом поприще.

В этой сложной ситуации разобщенные и напуганные люди стали искать поддержки у федерального центра, привычно видя в нем единственного защитника их интересов. Часть русского населения, осознав всю ограниченность и эфемерность надежд, стремится самоорганизоваться, другая часть, смирившись с положением «второсортных» граждан, пытается приспособиться к новым реалиям. Но их конкурентоспособность в сравнении с коренным населением, обладающим устойчивыми связями, хорошо знающим местные традиции и нормы поведения, оказалась довольно низкой. Поэтому для русских реальны лишь две возможности: либо жить в постоянно сужающемся культурном пространстве, терпеть ущемление прав, испытывать унижение на бытовом и служебном уровнях, опасаться физических расправ, словом, оставаться неуверен-

ными в завтрашнем дне, либо уехать в другие регионы, где их ждут большие трудности с жильем, устройством на работу, получением образования и т. д.

Надежды на казачество. В последние годы в регионе «этнический фаворитизм» стал одним из основных факторов мобилизации. Стремление оказывать исключительную поддержку «своим» вообще присуще малым народам. Здесь этнофаворитизм выступает своеобразной формой защиты от ассимиляции. Для него характерны такие методы, как требование привилегий в достижении карьеры, занятии должности и получении образования. Немаловажную роль играет и стремление этноса к безопасному проживанию на определенной территории.

Оказавшись в роли дискриминируемого меньшинства и потеряв надежду на эффективную поддержку со стороны центра, часть русских попыталась либо объединиться в казачьи организации, либо просить у них покровительства. Осознав, что вступить в открытое противоборство с движениями титульных народов, поддерживаемыми местными администрациями, – безнадежная затея, многие поверили обещаниям северокавказского казачества защитить интересы славянского населения. Но надежда найти эффективное покровительство со стороны многочисленных казачьих организаций пока не оправдывается – достаточно вспомнить судьбу русских беженцев из «независимой» Ичкерии. В общем степень этнической консолидации русских оказалась значительно меньше, чем у кавказских этносов. Возможно, что при необходимости и поддержке населения и властей различных уровней участие казаков в защите населения Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области будет более эффективным, но пока провозглашение казачеством своего решающего влияния на Кавказе является, к сожалению, мифологемой.

Это заключение носит обобщающий и, следовательно, неполный характер. В частности, отмечено, что мигранты-неславяне из Закавказья и республик Северного Кавказа, поселяющиеся в Краснодарском крае, в контактах с местными жителями ориентированы на доминирование. Большая часть русских принимает такую форму взаимоотношений. Казаки же ее отвергают, что вызывает неодобрение этнических мигрантов, и некоторые конфликтные ситуации в сфере межнациональных отношений в крае связаны именно с противостоянием мигрантов и казаков².

---

² В 2010 году Правительство РФ регламентировало привлечение казаков к госслужбе. К ведению казаков отнесена охрана лесов, памятников истории и культуры. Их разрешается

Этносоциальная напряженность. Вытеснение русских с доминирующих позиций в экономической, политической и культурной сферах сопровождается социальной и психологической напряженностью, которая характеризуется высоким уровнем тревожности, фиксируемой в отдельных регионах. В целом русское население осознает факт понижения своего статуса и, естественно, ищет причины этого. Среди возможных причин потери русскими социальных позиций – этническое противостояние, экономические неурядицы, отсутствие перспектив, политика центра и некоторые другие.

Под руководством ростовского социолога Г. С. Денисовой в 2002 году было проведено масштабное исследование мнения русского населения с целью выявить иерархию этих причин. Опрос показал, что население увязывает историческое пребывание русских на Северном Кавказе с решением государственных, а не только чисто экономических задач (использование природных ресурсов, организация рынка сбыта). В то же время русские респонденты, проживающие в зонах межэтнического контакта, отметили в качестве особо уязвимой позиции свое экономическое положение. В целом отсутствие социальных перспектив осознается как важнейший мотив для выезда населения из данного региона.

По результатам опроса населения были сделаны следующие выводы:

- между русским сегментом населения в республиках и автохтонными народами нет глубоких различий в оценке укорененности русских в регионе, что позволяет проводить внутреннюю политику, опираясь на все население. Более того, долгосрочность такой политики должна включать активное конструирование в общественном сознании установки на российскую целостность населения, постепенный уход от этнической коннотации гражданских понятий «народ», «нация»;
- население северокавказских республик, независимо от этнической принадлежности, достаточно ясно видит, что в республиках происходят процессы этнической дифференциации и «выдавливания» русской части населения;
- значительная часть опрошенных, независимо от этнической принадлежности, дает пессимистический прогноз по поводу устойчивости русских в составе населения республик. Даже оптимистические оценки – предвидение стабилизации миграционного процесса – обладают общей негативной перспективой, поскольку более стабильным является население лишь старших возрастных

групп. В настоящее время эти группы не оказывают сколько-нибудь заметного влияния ни на одну сферу жизни северокавказских республик;

- население рассматривает «русский вопрос» не столько в ключе напряженности межэтнических отношений, сколько в контексте ослабления властной вертикали, от дисфункции которой страдает все население региона. Дифференциация опрошенных по этническим группам свидетельствует о совпадении их оценок общих результатов государственной политики в регионе в те или иные исторические периоды (Денисова, Уланов 2003).

Помимо обостряющихся межэтнических отношений в республиках Северного Кавказа, следствием которых является отъезд части русских, в последнее время становится заметной активизация исламистских экстремистов, ставящих своей целью создание этнократического государства от Черного моря до Каспийского. Действия властей некоторых республик эксперты характеризуют как «театральные».

К возможным последствиям следует отнести то, что отток русского населения из республик Северного Кавказа становится основным фактором вытеснения «лиц кавказской национальности» из других регионов России, особенно из тех, куда прибывают русские иммигранты. Это провоцирует усиление «кавказского синдрома», дистанцирование от представителей коренного населения Северного Кавказа жителей остальной части России. В перспективе все перечисленное выше в совокупности может привести к самым неблагоприятным последствиям для российской государственности.

Геополитический аспект. Говоря о выгодах, которые несет России (как и другим странам) иммиграция, обычно указывают на следующие моменты:

1. В демографической сфере она частично компенсирует явное сокращение и старение населения в Российской Федерации.
2. В экономической сфере иммиграция частично удовлетворяет спрос на такую рабочую силу, которая готова работать за низкую заработную плату и в трудных условиях.

И все же в демографическом аспекте лежащая на поверхности идея привлечения иностранцев для повышения рождаемости является во многом надуманной, поскольку совместные браки приезжих и местных жителей довольно редки.Monoэтнические же браки и, следовательно, возрастание населения за счет мононациональных семей мигрантов имеют тенденцию к изменению этнического баланса явно не в сторону принимающего сообщества.

Существует также опасность потери Россией нескольких территорий Сибири и Дальнего Востока.

При всех позитивных либо негативных характеристиках иммиграции в относительно близкой перспективе ее можно рассматривать и в ином, не чисто прагматическом ракурсе. Нельзя исключить, что в неопределенном настоящем и еще более туманном будущем цивилизационный раскол мира будет детерминировать углубление уже существующего разлома цивилизаций. Альтернатив у России не так уж и много, и, несмотря на «маятниковость» культурного развития, ей все же придется делать выбор между неопределенностью «евразийского» положения и западной цивилизацией.

Предположим, она пойдет по первому пути. Тогда линия разлома между западной и восточной цивилизациями станет на первый взгляд менее заметной. Что касается миграции с Юга и Востока, то она будет продолжаться беспрепятственно. Крупные города России, и так уже переполненные переселенцами из этих территорий, будут дополнены районами компактно проживающих этнических групп с иной культурой, иными языками и обычаями. Власть городских служб в этих гетто представляется минимальной. В случае экономического, социального или политического, а вероятнее всего, и общесистемного кризиса линия особого напряжения будет проходить уже не по периферии России, а в самых важных ее нервных узлах.

Во втором варианте Россия, быстро модернизируясь, станет европейской страной. На этом этапе, разумеется, существует опасность усугубления культурного разлома по линии границ Кавказа и прилегающего к нему района, а также по линии среднеазиатских республик. На макроуровне это соперничество может проходить и без вооруженного столкновения. Россия будет стремиться сохранить имеющееся ныне влияние в экономической и военной сферах, укрепляя одновременно свои границы и совершенствуя миграционный контроль.

Тезис о необходимости учета европейского тренда в миграционном аспекте подтверждается обустроенностью и, следовательно, относительной стабильностью западных границ РФ. Близость же некоторых южных регионов страны к территориям открытых или потенциальных внутренних и внешних конфликтов создает условия для возможного притока беженцев на территорию страны. События августа 2008 года привели, например, к пересечению границ России югоосетинским населением. Демографический вакуум на

Дальнем Востоке и в Сибири создает объективные предпосылки для полного замещения населения иммигрантами из соседних стран, прежде всего из перенаселенного Китая (Демографическое... 2009).

С учетом уроков иммиграционной истории многих стран российские власти как на федеральном, так и на региональном уровнях при выборе стратегии обязаны определиться, наконец, с вектором геополитического развития. Это, пожалуй, самое главное. Другие важные условия:

- приоритет целей национальной безопасности, предотвращения угроз сецессии;
- территориальное размещение иммигрантов в экономических и политических интересах принимающего общества;
- гибкое регулирование численности и состава мигрантов;
- защита вынужденных переселенцев и беженцев настолько, насколько они не нарушают права местного населения и законы принимающего государства (Баранов 2009).

* * *

В заключение заметим, что параллели между демографическими процессами в Сербии и России требуют существенных оговорок. Разумеется, с геополитической точки зрения ситуацию можно рассмотреть как борьбу цивилизаций на линии их разлома. Можно также рассмотреть и схожесть некоторых политико-правовых проблем, с которыми сталкивались обе державы. Особенно заметны демографический и этнический компоненты конфликтов.

Следует, однако, обратить внимание и на существенные различия, заданные спецификой географических и исторических условий. К тому же если на Северном Кавказе в демографических процессах, включая миграцию, участвуют десятки этносов, то в Косово и Метохии речь в основном идет о взаимодействии только двух этносов: сербов и албанцев. Как бы то ни было, раны, нанесенные в ходе войн на Балканах в конце XX века, еще долго не заживут. Международное сообщество, если такое существует, неизбежно столкнется со схожими проблемами и в других частях планеты.

Литература

Баранов, А. В. 2009. Региональная миграционная политика в Российской Федерации: конфликты и альтернативы реализации. *Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технического развития регионов*. Ростов н/Д.: РГУ.

Белозеров, В. С. 2005. Горные страны: расселение, этнодемографические и геополитические процессы: геоинформационный мониторинг. *Материалы международной конференции, Ставрополь – Домбай, 25–30 сентября*. М.; Ставрополь: СГУ, с. 57–65.

Глишич, Г. 1991. *Албанизация Косова и Метохии 1941–1945*. Београд: Београд.

Демографическое развитие России в XXI веке. 2009. М.: Эконом-Информ.

Денисова, Г. С., Уланов, В. П. 2003. *Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса*. Ростов н/Д.: ЮФУ.

Джуричич, М. 1990. О каменит правных обигаја албанаца. *Косово-метохијски зборник 1*.

Тодорович, Г. 1989. Проблеми на високофертилитетном подругју. *Демографски зборник 1*.

Язькова, А. 2007. «Балканский Иерусалим», или «бомба с часовым механизмом». *Мир перемен 2*: 44–47.